

16+

З.Гоциридзе

Конфабуляция Перед приходом антихриста

Зураб Гоциридзе

**Конфабуляция. Перед
приходом антихриста**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Гоциридзе З.

Конфабуляция. Перед приходом антихриста / З. Гоциридзе —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

В непонятную эпоху то ли постмодерна, то ли вообще "поствсего", когда понятия истины сведены лишь к точкам зрения, когда толлерантность незаметно превращается в холодность, мы достаем запрятанного в запыленные углы Бога...

Зураб Гоциридзе

Конфабуляция. Перед приходом антихриста

... У Пилата появились нервные тики. Он все время моет руки ...

* * *

Проснулся я словно от удара молотом по наковальне, которой служила моя голова. Это всегда так, когда сплю не больше часа. Было 7 утра. Опять не было времени, ни на что. Все надо было делать впопыхах. В 8 я уже должен был быть на работе.

В 7.50 я уже иду по двору Института Наркологии, довольный, что успел. Понемногу начинаю просыпаться на ходу. Осматриваюсь... Тут два лагеря: менты с ментоподобными и наркоманы. Есть конечно и врачи с администрацией, но они как бы на втором плане, да и пожалуй относятся они то к первой то ко второй группе, а то и к той и к другой. Нет, есть конечно исключения... И не то, чтоб совсем мало. Порядочных людей здесь хватает, однако, как я уже говорил, они находятся в тени доминирующих групп или же просто на данный момент менее мне интересны.

Мое отношение к обеим группам вполне определенно – стараюсь всех игнорировать. Хотя к наркоманам я не испытываю ненависти и презрения, по большей части жалость и как не постыдно это сознавать, иногда отвращение. Да и очень пестрая и разношерстная это масса. Много среди них знакомых. Много интересных людей. Что до ментов, там все до уныния однозначно: не блещущие интеллектом, здоровые, сильные, злые и служат пресловутому хозяину, имя которого они могут не знать вовсе и даже не особо интересоваться этим. Хозяева могут меняться, не то чтобы смена кадров, нет! А вплоть до смены целых систем ценностей, мировоззрения, радикально противопоставленных друг другу, но менты будут служить всем.

– Здравствуйте – приветствую стоящих у входной двери двоих в форме и протягиваю пропуск. Один из них, что покрупнее, разумеется не ответив на приветствие, медленно разворачивает его и начинает вчитываться или просто делает вид, что умеет это делать. Потом поднимает взгляд на меня и смотрит пристально, прямо в глаза, с эдаким прищуренным, свойственным одним лишь ментам, а ля сверлящим, рассчитанным, только им известно на что, идиотским взглядом, вызывающим во мне полудикое желание вырвать ему глотку и когда это желание уже начинает полностью овладевать мной, дружески протягивает пропуск и миролюбиво добавляет: – Проходите, пожалуйста! И даже улыбается в знак какой то, вероятно, все таки существующей в природе, и вызывающей во мне полное отвращение, надпрофессиональной коллегиальности, и вырывать у него глотку больше не хочется! И даже появляются некие теплые чувства к нему, мол он тоже человек, это его работа и т.д... Менты знают как манипулировать сознанием!

Дальше коридоры. По большей части они не отремонтированы и пахнут гнилым линолеумом, и, правда не все, какими то лекарствами, к которым изредка примешивается некое зловоние. В лифт садиться я боюсь. Там обнаруживает себя клаустрофобия, одна из многих, терзающих меня фобий. Так что приходится подниматься по лестнице, что тоже не доставляет особого удовольствия, особенно изза своей узости. Два человека одновременно с трудом могут протиснуться при этом не задев хоть чуточку друг друга. Особенно если эти два человека моей комплекции. Однако находятся и такие, коим такой близкий контакт доставляет самое что ни есть удовольствие. Сам видел. Они абсолютно безо всякой надобности снуют по ступенькам вверх-вниз, в надежде наткнуться на медсестер и бранясь на узость лестницы, всеми силами имитируя попытки избежать прикосновения, трутся своими отвратительными телами об ускользающие тела медсестер. Насколько я замечал фроттеристы в основном из мел-

ких служащих, на первый взгляд не принадлежащих ни к одной из упомянутых мной групп. Но если даже не вдуматься, а просто задать себе вопрос, то сразу становится ясна их принадлежность, и не потому, что они не различают метадон от мдма. И даже не потому, что все они одеты в плохие белые или голубые сорочки, черные, выглаженные в стрелку брюки и угловатые или заостренные туфли, (непонятно даже, где они такие находят. Такие же еще надо найти, прежде чем их купить?) и даже не потому, что у них одинаковые прически полбокс и одинаково плоские лбы и затылки. И не потому только даже, что они из географических и негеографических провинциалов. Глаза! Все дело в них. Они злые, налитые кровью. Они беспощадны и раболопны одновременно. Они выдают мента, прирожденного холопа, который испытывает к хозяину почти собачью верность, но в отличие от собаки готов его пожрать, если к определению хозяина приставить приставочку экс. Чиновники государственных служб, силовики и служащие банков, мне все это видиться одним лагерем. Хотя может я и перегибаю палку...

Комната, в которой я вроде как бы работаю, мала и запружена разной нужной и ненужной утварью. В принципе тут всего три стола, которые не так много места занимают, четыре кресла. Четвертое видимо на всякий случай, или для посетителя. Для посетителя а не для посетителей, потому, что кресел именно четыре, а не пять или шесть и не два. Так что нехватки вроде тоже нет. Зато очень много коробок. Полных и пустых, отчасти заполненных, чем только ни, по большей части бумагами, и по еще большей части никому уже, или вовсе никогда не нужных. Они то и занимают шестую часть суши в моей рабочей комнате. В моей – громко сказано, ибо во первых я новый, а во вторых кто я, пока никто толком не знает и те три стола, которые я уже упоминал, принадлежат трем старым кадрам, обитающим там давно. Хотя на кресло я могу рассчитывать, ибо я уже и это замечал, их четыре, т.е. на одно больше, чем столов, тоже самое -людей, сидящих за ними. Однако я не спешу занимать его. – Пусть лежат! – говорю о коробках. – Да, без проблем! Выйду, покурю. – И вправду, пусть лежат, а я покурю на лестнице. Курить я люблю. Курю много. Пока не позовут, побуду тут. Так и время быстрее пройдет. А в комнате, запруженной коробками, в кресле, без стола, компьютера на нем, а значит и без статуса, правда с дружелюбными молодыми людьми... Дружелюбность то меня и отталкивает прежде всего. Вызывает отторжение. Нет, без компьютера, абстрагироваться в комнате не удастся, а без этого никак! Смещение недопустимо! ...Ничего, наверное скоро поставят и стол и компьютер, а пока проведу большую часть времени на лестнице, в раздумьях, в обществе самого себя. К этому я привык с детства, и надо сказать, что возможно это моя самая любимая компания...

* * *

То было как взрыв атомной бомбы. По крайней мере я так его себе всегда представлял, – взрыв. А это – не представлял себе никак и никогда. В тот миг я подумал, что это похоже на атомный взрыв и поскольку я до сих пор не знаю, как именно происходит и ощущается он, то могу спокойно принять для себя эту гипотезу и быть вполне уверенным в ее правдоподобности. Солнце трансформировалось в свет и выросло до размеров: оно повсюду! По сути потеряв то, что называлось солнцем, забыв извечное : – я вечно буду! – оно стало ничем, а потом стало всем... Хотя нет... Это о другом. Об этом я написал потом, в рифму, но это было потом, т.е. раньше, давно.

Смех может стать всеобъемлющим, сразу после взрыва. Потом возникают некоторые мысли, похожие на петрушку, редиску, репу. Начинаешь их рвать с корнем, вытаскивать из земли, что доставляет неимоверное удовольствие. Порой кажется, не ты рвешь, а кто то. Но кто то тоже ты, если присмотреться хорошенько. Еще появляются другие ты. Их много, но не слишком. Сосчитать можно. Я насчитал семь или восемь, и все говорили хором, но как бы не перебивая друг друга. Всех было слышно и смысл слов был понятен и я (вероятно все же главный я) тоже говорил, спрашивал, отвечал. Что то вроде идеального полилога. Допускаю, что где то искажаю истину, времени прошло с тех пор много и ощущения, переживания

не могли сохраниться в первозданном виде, под столькими наслоениями самых разных времен, отношении, восприятии... Ах, да, чуть не забыл! Там были еще морковки! Ну т.е. мысли. И было все как в мультфильме, или скорее в компьютерной игре денди или супернинтендо. Рвать морковки было наивысшим наслаждением. Потом они исчезли. Вообще все мысли сразу. Исчезло время, верх, низ, сила притяжения. Исчезли преграды. Я стоял внутри светящегося коридора из бесконечных квадратов, какой я помню нарисованным на мятом листке бумаги, из глубокого детства, из которого больше ничего не помню и созерцал Бога.

Я сам все испортил. Впустил страх в себя и все исчезло. Страх принял форму гидры, вырос, оброс новыми головами и продолжал расти. Я стоял посреди старой комнаты, у камина, потухшего, холодного и полного золы и черепов. Семь или восемь "я" сидели в царских облачениях и судили меня, за все и то, чего еще не сделал. Судили меня и как часть тела тел, зачавших меня и тело, носитель новых, еще не задуманных людей и как землю, принявшую тела зачавших тех, кто зачал зачавших меня. Я прислушался. Судили не меня. Я сам судил. Я был один. Я осмотрелся, никого! Разделся догола и сел и зеркало открылось мне само собой. Я посмотрел в него и жизнь и старость и смерть свою узрел и стало страшно. Ужас одиночества, вечной пустоты!..

С тех пор меня терзает вопросы: – А мог ли я не впустить страх? И что было бы тогда? ...
* * *

– Да! – Ага, иду! – зовут меня. Значит рабочий день почти что завершился. Теперь домой, с сознанием выполненного долга. Прощаюсь со всеми, не скупясь на слова и рукопожатия. В чем то же надо проявить себя? Через минуту уже выхожу во двор, а там -наркоманы. Я уже говорил, что тут все как бы поделено на два лагеря, как на зоне. Ментов я уже описал, и номинально я сам принадлежал к их группе, что повода для гордости не добавляло. Однако отождествлять себя со второй группой тоже не велика радость. Так вот о второй группе: – в первую очередь, они разные. Вернее, когда то были разными. Тут они уже все без индивидуальных черт как будто, но все же ментовской монолитности среди них нет. Налицо примитивный и симпатичный сюжет голливудской драмы – когда то они были кумирами... В то время, когда великий и злой порядок вдруг "пал изъеденный червями изнутри как ирод" и на смену ему тут же пришел мелкий, чернобелый и не менее злой сюрреализм, эпоха породила героев: с автоматом, бенденой, в очках -хамелеон и под кайфом. В моей тогдашней картине мира они заняли места Ахилла и Геракла или даже Апполона. Хотелось походить на них, стать таким же. Всем хотелось. Потом это прошло ну или хотя бы завуалировалось, автоматы стали короче и прятались под плащи, (что факт упрямая вещь мы знаем, сначала за калаш давали три макарова, а вскоре макаров стал стоять двух калаш, поменялись приоритеты, это потому, что "некто мудрый" стабилизировал страну, или хотя бы завуалировал), очки остались прежней авиаторской формы, но цвет стал стабильней а кайф никуда не делся. Он рос. Мир продолжал меняться в лучшую сторону и он вместе с ним. Уже не обязательно было быть блатным, (или хотя бы пытаться быть им) чтобы колотся. Наркомания принимала творческий, салонный вид. Убогая, вонючая смесь чернухи с ангидридом уступила место более цивилизованному и продвинутому героину. Шприцы для инсулина сменили моргуновские гиганты. Наркоманом быть стало еще привлекательнее. Положа руку на сердце, мне иногда жаль, что остался этим обделен. Но выбор я сделал сам, сразу, в пользу матери. Как бы тот мир не манил меня, я знал, что это ее убьет и не стал наркоманом. А что тем временем они? Они процветали. То было их время. Золотой век. Они были круты, были отмазаны. Они платили ментам. Менты дружили с их отцами и т.д. Они ездили на хороших машинах, имели хороших подружек, всегда были под кайфом и никто их не ловил. Но по закону жанра это не могло продолжаться вечно. За пиком должно было последовать падение. Так и произошло. "Некто мудрый", сам тому не веря, не удержался на стуле, на котором сидел. Его сбросил сидящий дотоле возле его ног парадокс, сексуальный маньяк, кормящийся брошенными ему костями и в диком восторге начал наси-

ловать всех. Наркоманов переловили, посадили. Деньги не помогли. Они уже не были круты, продали честь, стали барыгами, стукачами. Не все испортились, правда. Некоторые умерли...

Потом появилась клиника, и бывшие герои превратились в позорных маргиналов. Можно было сказать, что так им и надо, и что давно пора, но ведь они почти все мое поколение...

* * *

Моросящий, висячий дождь выделял невероятные движения. То плавно извивался то резко менял направление, диапазон, становился сверхформенным как музыка, разрастался становясь всеобъемлющим, суживался до кулачного размера, поднимался коброй, нависал, потом вдруг срывался и падал к ногам прохожих. Именно к ногам, не в ноги, не на ноги. В общем дождь оставался добрым, и может даже иногда теплым.

Путник легко шагал. Ему не приходилось пробираться сквозь людские дебри. Город был идеальной величины. Слишком большой для того, чтоб вас все знали и не такой большой, чтоб вас оставили умирать на тротуаре, перешагивая через ваше агонирующее тело, как через брошенный мусор. Путнику было лет тридцать, среднего роста, худой, в плаще с ремнем и в шляпе кремового цвета – лицо эпохи "самоубийства Европы". Шагал он как бы пританцовывая, то ли от бодрого настроения, то ли прозябал под дождем. На первый взгляд казалось он спешил. Спешил целенаправленно. Но присмотревшись, можно было понять, что это не тот человек который знает, куда он идет, для чего, сколько времени он уделит этому и что получит за это. Максимум чего он мог знать из всего перечисленного, так это куда он идет. Но похоже он и этого не знал точно. То и дело он останавливался, всматривался с видом человека, ожидающего кого то, то в одну, то в другую сторону, потом с досадой качал головой, и махнув рукой сердито продолжал путь, как будто тот, с кем он должен был встретиться не пришел.

Есть люди которым не хватает места. Вернее для них не находится места. Или они не находят себе места, нигде. Им везде некомфортно, они нигде не останавливаются подолгу. Какая то неведомая сила заставляет их поскорее покинуть место где они находятся, чтобы найти другое и очень скоро покинуть и его. Вот она овладевает ими полностью, говорит – иди туда, там тебе будет хорошо, там, то что ты ищешь! – и бедолага встает и преисполненный верой в то, что наконец то нашел то что искал, обрел то, что есть у всех людей – счастье, покой, мир... Дойдя, посидев немного там, он обнаруживает что нужно опять вставать и идти. Приходит осознание того, что для них нет места в мире. Нигде. Они одни. Идти им некуда... Путник был одним из этих людей.

Но дождь оставался добрым, и поэтому в сюжете прослеживало возможное спасение. Серый фон каменной мантии города, немигающие огни, серые пробегающие силуэты, завеса холодной мороси, тоскливый свет проглядывающий из пивных и неуклюжие, ломанные никому не нужные, но на людей рассчитанные жесты путника вполне могли бы создать эффект безысходности, но... Дело в том, что сон принадлежал человеку православной веры, а все дело происходило именно во сне. По крайней мере, мы так знаем, а если так, то это в корне меняло сюжет, ибо модному постмодерну или зарождающемуся экзистенциализму, уникальной и странной как Идиш смеси нигилизма, плотских желаний, воздержания, обязательности выполнения законов торы и ожидания Мессии гетовских ашкенази не могло быть тут места, пусть даже и во сне, но во сне христианина восточного толка. Ибо христианство и безысходность вещи несовместимые. По крайней мере восточное, православное христианство. Там где Бог Жив, гибели нет места...

Однако и к своему православию еще надо прийти, а дотоле все может тянуться вечность и случаться может всякое зловещее или полное пустоты и лишнее смысла. Все это подразумевает то, что православный может творить вещи похуже неправославных, нести хулу почище хулителей-атэистов, ходить по лезвию самоубийственного нигилизма вплоть до кровотокающего

решения, ощущать в полной мере удушающее действие ядов бездушного как Голем рационализма, фатализма, навязанного собственным бессилием перед системой, посттэйзма и постгуманизма, вытекающих из них нечистот современного мира "умертвившего" своего бога.

Путник шагал чуть прихрамывая. Вместо ночи был день, яркий, солнечный, тропический. Такое бывает во сне. Сюжет немного меняется, или совсем меняется: антураж, действующие лица, ну или по крайней мере их внешний облик и внутреннее расположение, редко сущность... Серый, тусклый, словно расплывающийся под пеленой дождя каменный взгляд вроде бы исторического города, вроде бы старушки-Европы растянулся в тропической улыбке вроде бы полусуществующего южноамериканского мегаполиса с очень незначительным индейским наследием. Одежда путника тоже прообразилась. Теперь он был одет в легкий, фланелевый костюм, с такой же шляпой и в полусандалии. Разумеется и ноги у Спасителя на его нательном крестике скрестились на католический лад. Шагал он быстро, но прихрамывая. Кажется он еще нес трость или зонтик в руках. Теперь он выглядел так, что знал точно и цель и маршрут и время которое он потратит на него. Он почти не смотрел по сторонам, лишь иногда сбавлял ход, когда приходилось протискиваться сквозь слишком большие сгустки человеческой массы. Его путь представлял собой преодоление однообразных, шумных, деловых кварталов, остановки минуты по две на светофорах у больших перекрестков. Он был в настроении. Будто он вернулся откудо то из чужбины. Из какого то заточения, ссылки. Вернулся, тогда, когда больше всего хотел, и когда его больше всего ждали. Его не встретили, потому что он сам так захотел. Вернее, он не предупредил дома, что приезжает сегодня. Сказал, что приезжает, но не сказал точно когда. Путник улыбался в предвкушении предстоящей встречи и что то про себя напевал. Иногда он потирал руки от радости и потом в смущении озирался не заметил ли кто его ребяческого выражения чувств. Все здесь было знакомо путнику. Все напоминало ему лучшие дни. Он был дома. Почти дома, и это – почти, было самым сладким.

Вдруг он остановился. Остановился у большого перекрестка. Закрыв глаза и с жадностью вдохнул в себя родной воздух. Такого не бывает? Это отжило себя? Это патэтично? Нет, только не запах! Запах всегда настоящ.

С минуту он постоял не двигаясь, жадно вдыхая воздух обеими ноздрями. На его губах играла улыбка. Переходить тут ему не разрешали до двенадцати лет. Здесь самое оживленное движение в городе. Потом окинул полным любви взглядом светофоры и скорым шагом продолжил путь. шагал он быстрее, чем до этого, подпевал себе под нос какую то мелодию и почти не смотрел, что происходит вокруг. Внезапно он остановился и стал удивленно почесывать затылок. Путник, мягко сказать, был удивлен. Странно было, но было похоже, что он ходил кругами и теперь стоит на том же самом перекрестке. Как же это могло быть? Он же точно помнит, что минут десять назад уже был тут. Стоял на этом самом перекрестке, и даже явственно помнит все ощущения! Нет, этого не может быть! Что то тут не так. Но что? Может все это изза жары? Из за несносной, полуденной жары? Может он слишком переутомился? Он очень надеется, что его не хватил солнечный удар. Но ведь он в шляпе! Так что это маловероятно. И не найдя рационального объяснения происходящему, путник, как мы это чаще всего делаем, просто проигнорировал случившееся и продолжил путь. Ну мало ли чего! Однако настроение немножко испортилось и в душу путника закрался червь. Червь, который разъедает сердце и душу человека, со времен Адама и Евы, и которого разные народы зовут по разному. Теперь он шагал не так весело, стараясь дойти до дома как можно быстрее, не смакуя больше знакомые указатели. Рассматривать улицы больше не доставляло удовольствия. Он просто шел домой...

Время не стоит. Оно бежит, противопоставляя себя вечности. Сам по себе и человек частица вечности во времени, ограничен как Бог, в Его земном Проявлении – так рассуждал путник, ушедший в себя, пока его не заставила очнуться сирена пожарной машины. Слово не в состоянии передать то, что он почувствовал, окинув взглядом место, где находился. Перед ним был перекресток. Все тот же. Раньше любимый, а сейчас такой ненавистный. Путник был раз-

бит. Он стоял в оцепенении, разинув рот и его жгли злость, непонимание и ощущение собственного бессилия. Это последнее было хуже всего. Немного погодя он, как бы собрав все моральные силы в кулак, громко выругавшись, резко двинулся, стремясь всей силой здравого смысла разрушить возмутительную невозможность ставшей единственной реальностью абсурда. Но в его боевой решительности было что то напускное, сквозила неуверенность не раз разочарованного человека. Он не сделал и нескольких шагов и остановился как вкопанный, поняв что не сможет сделать и шага. То, чего он боялся больше всего. То, что он пытался заглушить в себе, уничтожить, убить, утопить, всплыло на поверхность, став единственной непрекращаемой истиной, всепоглощающей действительностью перед лицом несчастного человека. Так он стоял неподвижно, пока не очнулся, почувствовал чье то прикосновение на плече. К обернулся и рассеяно взглянул на подошедшего к нему полицейского.

– Извините, синьор – начал полицейский, – Я за вами наблюдал. Кажется вы немного сбились с пути!

– Ничего подобного, – раздраженно бросил путник.

– Да вы не стесняйтесь! В нашем городе живет больше двадцати миллионов, и даже людям давно живущим здесь бывает иногда трудно ориентироваться в нем. Так, что ваша проблема нам знакома. Позвольте помочь вам...

– Пойдите! – вырвалось у путника. – Я здесь родился, и прожил здесь больше тридцати лет, и хотя не берусь утверждать, что знаю его как свои пять пальцев, но этот квартал действительно знаю, разрази меня гром! С вокзала до площади свободы всего шестьсот метров! А я уже больше получаса топчусь на одном и том же месте. Можно с ума сойти! – Полицейский как то задумчиво посмотрел на него, как будто хотел что то сказать, но передумав подал честь и удалился со словами, что мол если ему чего нибудь понадобится, он тут рядом и т.д.

– Да пошел ты! – пробормотал путник. Он дрожал от злобы и был готов задушить всякого, кто бы посмел заговорить с ним. Сам он об этом не задумывался, но разговор с полицейским вывел его из пограничного с сумасшествием состояния. Фантазмагория как бы отошла, уступив место "видимому врагу", с лицом, в форме и с пистолетом. На время позабылась вся чудовищность ситуации. Бормоча и ругая полицейского, путник шел глядя под ноги, ощущая все равно присутствие неумолимого рока. Предвидя что то ужасное, катастрофическое, но стараясь подавить это в себе. Забыть. Даже мысль о том, что "это" могло произойти, наводила на путника такой ужас, что охватываемый пламенем нервных тиков, только тут выдавших свое существование, начинал наскоро плевать и покусывать душившую его уже, пятнадцатую за час сигарету. Он старался не думать не о чем, опасаясь того, что при наличии хороших мыслей могут появиться и плохие. Вечно старавшегося выглядеть красивым и заботившегося даже о походке путника больше не волновало, как глупо и нелепо он может выглядеть и он как идиот прыгал с красной плитки на красную, то сильно задирая одну ногу, то делая черепашьи шаги по вымощенному разноцветной плиткой тротуару. По детски уверяя себя, что если будет ступать только по красным плитам, все будет хорошо. Разумеется вскоре менял мнение и прыгал только по серым плитам и т.д. Выглядел он действительно глупо и вызывал невольную улыбку на лицах у прохожих. Все соки, которые путник выжимал из себя, все титанические усилия которые он предпринимал и которые в конце концов превращались в сизифов труд, были направлены к одной-единственной цели, к избеганию самого страшного. Перекресток!.. – это слово само собой возникало иногда в голове и то было подобно падению сизифового камня с самой вершины. Но подобно своему мифологическому собрату, путник собирался с силами и дрался вперед. Он устремлял взгляды на всякую дрянь, валявшуюся под ногами, лишь бы не смотреть по сторонам. Однажды взгляд его нашел на довольно приличную купюру, но тут же отошел.

Как известно глаза сами убегают туда, куда не надо. Красный свет светофора остановил путника. Все смешалось. То, чего он больше всего боялся, то за забытие чего бы он отдал пол, если не всю жизнь, стояло перед его глазами.

Стояли светофоры на перекрестке. Без малейшего намека на цинизм и иронию. Они просто стояли, как и должны были стоять в многомиллионном городе. Лишь меняли окраску время от времени, давая дорогу то одному, то другому потоку машин, мчащихся, в принципе, в никуда...

.
* * *

Я совсем недавно бросил курить. Не из за силы воли или здравого смысла, не из за уговоров матери, прочитного бесплатного журнальчика "Как бросить курить" или духовного наставника. Из за страха. Вообще главный мой мотиватор страх. Плохо то, что он изъел мою душу и превратил меня в существо, боящее даже радоваться, но хорошо, что он отвращает меня от греха. Ведь при всем моем маловерии, падкости, похотливости я все таки думаю о вечности..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.